

КНИГИ
ДАВИДА ФОНКИНОСА

Шарлотта
Тайна Анри Пика
В погоне за красотой
Две сестры
Семья как семья

Давид
Фонкинос

СЕМЬЯ
КАК СЕМЬЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Ценность случайности равна степени
ее невозможности.

Милан Кундера

1

Мне хотелось писать книгу, но ничего не выходило. Годами я выдумывал разные истории, редко обращаясь к действительности. А сейчас работал над романом о кружках литературного мастерства. Интрига разворачивалась вокруг уик-энда, посвященного словам. Но слов-то я и не находил. Мои персонажи меня не интересовали, просто тошно было от скуки. И я подумал, что любая жизненная история представляла бы больше интереса. Любое невыдуманное существование. Во время встреч с читателями они мне часто говорили: «Вам бы написать про мою жизнь. Она совершенно невероятная!» Наверняка так оно и было. Я мог бы выйти на улицу, остановить первого попавшегося прохожего и попросить рассказать что-нибудь о его жизни. Почти уверен, что это было бы для меня полезнее очередной выдумки. Так и получилось. Я сказал себе: ступай на улицу, заговаривай с первым встречным, и он станет темой твоей книги.

2

На первом этаже моего дома расположено туристическое агентство, и я каждый день миную это странное мрачноватое помещение. Одна из служащих часто курит на улице, не трогаясь с места и глядя в телефон. Иногда мне приходит в голову: интересно, о чем она думает? Я считаю, что у незнакомых тоже есть своя жизнь. Сегодня, выходя из дома, я решил: если она сейчас курит, то станет героиней моего романа.

Но незнакомки на месте не оказалось. А ведь еще чуть-чуть — и я стал бы ее биографом. Тут я заметил на ближайшем переходе пожилую женщину с фиолетовой сумкой на колесиках. То, что надо! Эта женщина еще не знала, что вступила на территорию романа. Вокруг нее развернется сюжет моей новой книги (разумеется, если она согласится). Я мог бы подождать встречи с другим человеком, который бы меня больше привлек или вдохновил. Но нет, это должен быть *первый попавшийся прохожий*. Никакой альтернативы. Я надеялся, что эта умышлен-

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

ная случайность приведет меня к волнующей истории или к одной из судеб, позволяющих понять, в чем иногда состоит смысл жизни. По правде говоря, я ожидал от этой женщины очень многого.

Я подошел к незнакомке, попросил прощения за беспокойство. Я изъяснялся с приторной вежливостью, свойственной тем, кто хочет вам что-то продать. Она, разумеется, удивилась и замедлила шаг. Я сказал, что живу поблизости и что я писатель. Когда останавливаешь человека на улице, надо сразу переходить к сути дела. Говорят, что пожилые люди недоверчивы. Но эта женщина мне сразу же широко улыбнулась. И я решил, что ей можно немедленно изложить мой план.

— Видите ли... Я хотел бы написать книгу о вас.

— Простите?

— Понимаю, такая идея может показаться немного странной... Но это как бы вызов, который я сам себе бросил. Я живу здесь. — (Я показал на свой дом.) — Не хочу входить в подробности, но я решил написать книгу о первом встречном.

— Не понимаю.

— Нельзя ли нам сейчас зайти в кафе, чтобы я вам спокойно все рассказал?

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

— Прямо сейчас?

— Да.

— Сейчас не могу, мне нужно домой, положить продукты в морозилку.

— Понимаю, — ответил я, подумав, что ситуация приобретает дурацкий оборот. Я было обрадовался, а сейчас, выходит, мне надо писать о том, что нельзя замораживать размороженные продукты. Несколько лет назад я получил престижную премию Ренодо, но в эту минуту у меня по спине побежали мурашки разочарования.

Я сказал, что могу подождать ее в кафе поблизости, но она предложила пойти к ней домой — значит, сразу проявила ко мне доверие. На ее месте я бы никогда так легко не позволил писателю войти в свою квартиру. Особенно писателю, страдающему недостатком вдохновения.

Через несколько минут я уже сидел у нее в гостинной. Она возилась на кухне. Неожиданно я разволновался. Обе мои бабушки умерли много лет назад; я почти забыл, как выглядит жилье стариков. Вокруг обнаружилось столько знакомого: клеенка на столе, громко тикающие настенные часы, фотографии внуков в золоченых рамках. От воспоминаний у меня сжалось сердце.

Моя героиня вернулась с подносом, на котором стояли чашка и вазочка с печеньем. Для себя она ничего не принесла. На всякий случай я немного рассказал о себе, но она и без того ничуть не беспокоилась. Мысль, что я могу оказаться человеком опасным, обманщиком, самозванцем, даже не пришла ей в голову. Позже я ее спросил, почему она сразу мне доверилась. «У вас вид писателя», — ответила она, и я слегка растерялся. По-моему, у большинства писателей вид похотливый или депрессивный. Иногда то и другое сразу. А для этой женщины я, стало быть, выглядел так, как должен выглядеть человек моей профессии.

Мне очень хотелось поскорее узнать сюжет моего нового романа. Кто она? Прежде всего, как ее фамилия?

- Жакет, — сказала она.
- Жакет — как жакет?
- Ну да.
- А имя?
- Мадлен.

Итак, Мадлен Жакет. Я на несколько секунд задумался. Такой фамилии мне бы никогда не придумать. Случается, я неделями ищу имя или фамилию персонажа, потому что твердо убежден: звучание влияет на судьбу. Иногда с их помощью я лучше понимаю определенные характеры. Натали не может вести себя так же, как Сабина. Каждый раз я взвешивал «за» и «против». И вот, без всяких размышлений, я встречаю Мадлен Жакет. Преимущество реальности: выигрываешь время.

Хотя... тут имеется и значительный изъян: отсутствие альтернативы. У меня уже есть роман о бабушке и проблемах старости. Неужели я вынужден опять браться за эту тему? Не очень-то радостно, но ведь ничего не остается, кроме как принять все последствия собственного плана. Какой интерес пытаться обойти реальность? Я подумал-подумал и решил: моя встреча с Мадлен неслучайна. Отношения писателя с выдуманным им же сюжетом — это вроде приговора к пожизненному заключению¹.

¹ Конечно, в десять утра в семнадцатом округе Парижа у меня не было особых шансов встретить танцовщицу гоу-гоу. — *Здесь и далее примеч. автора, кроме оговоренных особо.*

5

Мадлен прожила в этом квартале сорок два года. Может, я уже где-то и сталкивался с ней, однако ее лицо было мне незнакомо. Правда, я поселился здесь сравнительно недавно, но всегда любил подолгу мерить шагами улицы: это помогает мне думать. Я один из тех, для кого процесс создания книги — нечто вроде освоения новой территории.

Мадлен должна была знать истории многих местных жителей. Она видела, как росли дети и умирали взрослые; она должна была помнить, какие новые торговые заведения появились на месте исчезнувшего книжного магазина. Несомненно, приятно провести всю жизнь на одном и том же месте. То, что я считал бы географической тюрьмой, для других было миром привычных ориентиров, где все знакомо и где чувствуешь себя защищенным. Моя невероятная тяга к бегству часто заставляла меня переезжать (а еще я никогда не снимаю пальто в ресторане). По правде говоря, я не люблю задерживаться в местах, связанных с определенными воспоминаниями; Мадлен же, наоборот, каждый день ступала по следам своего прошлого. Проходя мимо

СЕМЬЯ КАК СЕМЬЯ

школы, где когда-то учились ее дочери, она, возможно, вспоминала, как они бежали ей навстречу и бросались на шею с криком «мама!».

Мы с ней еще недостаточно сблизились, но разговаривали уже вполне свободно. По-моему, через несколько минут мы оба забыли, что встретились случайно. Это подтверждает очевидную истину: каждый человек любит говорить о себе, каждый — творец собственного романа. Я чувствовал: Мадлен вся зажглась оттого, что может представлять интерес для других. С чего начать? Я не хотел мешать ей выстраивать воспоминания. Она спросила:

— Мне рассказать о детстве?

— Если хотите. Но это не обязательно. Можно начать с чего-нибудь другого.

— ...

Она как будто растерялась. Наверно, вести ее по закоулкам прошлого придется мне. Но только я открыл рот, как она повернулась к фотографии на стене.

— Лучше поговорим о Рене, моем муже. Он давно умер, но ему будет приятно, что мы начнем с него.

— Ах так... ну хорошо, — ответил я, мысленно отметив, что мне придется удовлетворить не только живых читателей, но и мертвых.

6

Мадлен вздохнула глубоко, как ныряльщица, словно ее воспоминания прятались глубоко под водой. И начала рассказывать. Они с Рене познакомились в конце 60-х годов на балу пожарных 14 июля. Им с подругой хотелось найти себе партнеров-красавчиков. Но к Мадлен подошел какой-то тщедушный тип. И сразу же растрогал ее — она почувствовала, что этот человек не привык общаться с незнакомцами. Так оно и оказалось. Но должно быть, в тот момент он испытал в теле или в душе что-то необычное и потому решился.

Позже Рене рассказал ей, чем был вызван его порыв. Будто бы она очень походила на актрису Мишель Альфа. Тогда Мадлен ее не знала (как и я). Правда, после войны Мадлен нечасто ходила в кино. В конце концов она увидела фотографию Мишель Альфа в каком-то журнале и удивилась: сходства между ними почти не было, разве что совсем слабое. Но Рене Мадлен казалась почти двойником этой малоизвестной актрисы. Его эмоции были связаны с прошлым, с неким страшным эпизодом военного детства. Мать Рене участвовала в Сопротивлении. Бу-

дучи на подозрении у полиции, она прятала маленького сына в кино¹. Рене было очень страшно, и он старался отвлечься, вглядываясь в лица актеров на экране. Мишель Альфа словно бы стала его могучей защитницей и утешительницей. Прошло больше двадцати лет, и он увидел нечто подобное во взгляде женщины, встреченной на балу пожарных. Мадлен спросила его, как назывался фильм. «Приключение на углу улицы», — ответил Рене. Я поразился — чем не намек на мой план?

Мадлен было тогда тридцать три года. Все ее подруги давно обзавелись семьями. Мадлен решила, что, пожалуй, пора и ей устроить свою судьбу по примеру других благовоспитанных девиц. Она уточнила, что неслучайно употребила эти слова: несколько лет назад в свет вышли «Воспоминания благовоспитанной девицы» Симоны де Бовуар. Мадлен глубоко уважала мужа, но все-таки решила сказать мне правду: в момент замужества она слушалась скорее голоса разума, чем голоса страсти. Так приятно, когда тебя любит надежный и уверенный в своих чувствах человек; так приятно, что можно позабыть о собственных чувствах. Со временем нежность и чуткость Рене победили. Никаких сомнений: Мадлен любила его. Но никогда не пылала рядом с ним испепеляющим огнем первой любви.

¹ Режиссер Клод Лелюш часто рассказывал, что во время немецкой оккупации мать иногда на целый день оставляла его в кинозале и таким образом родилось его призвание.

*

Мадлен на минуту замолчала, видимо никак не решаясь упомянуть историю, заставившую ее страдать. Некоторые раны никогда не заживают, подумал я. Конечно, меня очень заинтересовал намек на некую — возможно, трагическую — страсть. Разумеется, стоило бы пойти по этому следу. Но Мадлен проявила ко мне такое доверие, что я не хотел ее подгонять и выспрашивать о том, о чем она упомянула только вскользь. Она вернется к этому позже. Сейчас я еще не могу говорить о подробностях, которые узнаю лишь спустя несколько дней, но сразу сообщаю, что эта история, связанная со многими треволениями, займет в рассказе самое важное место.

*

А пока что вернемся к Рене. На балу они договорились о следующей встрече. Через несколько месяцев поженились, а еще через несколько лет стали родителями. Стефани родилась в 1974 году, Валери — в 1975-м. В то время мало кто из женщин впервые рожал ближе к сорока. Мадлен откладывала беременность из-за работы. И хоть и любила дочек, страдала от того, что ей плохо удавалось совмещать материнство и карьеру. По ее мнению, мужчины поступали с женщинами несправедливо. «Муж работал все больше и больше. Я часто оставалась с малышками одна...» — сказала она с от-